

***

С неведомых времён, невесома, несущественна

витаю между всем и всем, ставшая песнею трав —

склонись надо мною, услышь;

ставшая твердью, огнём, молитвой.

Ещё не вычисленная вселенной, неопознанная,

пребываю в небытии — великая, ничтожная.

Сквозь меня грохочут волны, проносятся частицы,

даже время сквозь меня. Меня нет.

***

Сколько ни ищи себя — всё пустота, бесконечность.

***

Рассеешься:

семенами ли, метастазами...

Рассветишься:

местами звёздами, местами стразами.

Рассоришься

с местами близкими,

уйдёшь искать того, кто искренней.

***

Танцуй мим, мнимые стены опорой,

воображаемый мир мил, бесспорно,

воображаемый мир светел и безупречен,

он никогда, слышишь, никогда не даст трещин...

***

Город — вместилище чада, ловцы человеков

жадно считают стекающий с пальцев улов.

Медно-лиловое солнце

медленной каплей стекает по небу,

некто на котурнах стоит в забытьи,

жест в сторону зрителя:

— Знаете ли вы? — Знаем, знаем...

— Видели ли вы? — Видели, видели...

О сумрак миндалевидных глаз, поволока, миракль.

Придешь ли слушать песни на закате?

Я буду петь только тебе.

Прибитая дождём пыль, разнотравье,
в каждой травинке — каждой! благодать,
неистребимое желание быть. Ты рядом,
в небе твоём птицам моим легко парить.

***

Не ветер срывает лепестки — время.

***

Танцуй небесная! В тебе жизни на всех вдоволь,
вот-вот и они поднимутся на своих мягких ногах,
воскликнут: «Вот то-то же!», а ты ускользнёшь вверх,
будто и не было тебя, будто только они и были.

***

— Обидно-то как! —

произнесёшь невольно,

заметят, вздохнут.

***

Ты сказал мне: «так нужно», улыбнувшись, сделал надрез:

«...надо бы поосторожнее.

Смотри, оно так похоже на закат, твоё сердце».

Льётся между пальцев небо — тихое, золотое.

Не так ли тих Стикс?

И эта река мимо меня, не войти.

***

Чудеса вершатся в тишине.

Шаг за шагом, ближе, ещё ближе...

Тайна так пуглива и тиха!

Прикоснусь дыханием, слегка

проведу по контуру, немного

расскажу ей о себе, пока

не приблизится, доверчиво протянет

ветвь еловую. Реснички серебра

столь хрупки — пока, пока, пока...

Мне бы на кончиках пальцев

небо носить научиться.

***

Расстелем постель, уляжемся спать,

точно весенний луг — кровать, будто бы корни,

трав побеги — наши уставшие ноги.

Словно бы небо, полное неги для многих.

Если павших цветов пыльца — перина уставшему телу,

небо, что тканью лоскутной звездится, нам стелют?!

Выйди в луг, распахнись, обними

расширяющееся пространство.

Тихо тихонько проговори: «Господи, здравствуй!..»

***

Небо — это море во взвешенном состоянии,
запрокинь голову и пей разреженную синь.

Чувствуешь! Всё шире, шире простор внутри,
теперь без крыльев не обойтись. Лети!

***

Шила матушка одеяльце лоскутное сыночку малому,
под лампадкой спину гнула.

Мужу пьянице соленьями сладкими,
пирогам травяными угождала.

А заутрене то не в храм — в поле-полюшко,
а сыночек то дома сам, горе-горюшко.

***

Всего-то и нужно было:

пройти, возрадоваться, возлюбить.

***

Где я, где ветер?

Где то солнце, что было вчера.

Нет никаких причин для «завтра»,

нет причин для «вчера».

Оглянись!

Робкие девочки

превращаются в грустных женщин

и плывут, плывут по ветру...

Срачиваясь с ветром,

позабудь обо всём.

***

Эй! кто там? кто там, кто там...

Темнота и пустота.

Чу! Крылом задела птица,

или мышь, кыш! Кыш.

«Кто ты, с кем играешь в карты?» —

задают вопросы капли...

Иду по дну: ни души, не дышу.

Здесь только тени,

только нити паутины.

***

Подует ветер:

станешь водой стылой.

Дрожь и солнце, солнце и ветер,

и больше ничего.

***

Всё ещё существует...

***

Выучить наизусть

сто пятьдесят псалмов

прибрежного ветра.

***

Заходит счастье,

под ногами высота,

ненадолго сон.

***

С кем ты воюешь, глупое сердце.

***

Я хочу молчать,

солнце высушило нас,

берегу ветер.

***

Иду по краю, за мной

все мои восемьдесят восемь теней,

крадучись.

Какого цвета ночь?

Загляни в мои стеклянные глаза.

Желаешь мне помочь?

Я «за».

Я завидую тебе, я заведу

разговор на тему веры и любви,

я заверю: ты единственный, люби!

Я за зверя не в ответе — это он

проскользнёт по моим ломаным следам

и ему тебя я, жертвенно, отдам...

Нет в моем сердце боли —

будто и не было вовсе,

будто и нет его вовсе,

будто и не было даже.

Там, где идут дожди,

неловко, неумело, внутри — тишина, анабиоз.

В турмалиновых реках асфальта

ветра рваные полотнища полощутся.

Не смотри в глаза!

Странное счастье — быть ненужной.

***

О, сиятельнейшее из времён!

Расцвела, распустилась дивная сидарэдзакура.

Только это и важно, только это одно и имеет значение.

Думай обо мне! Нежность твоя — море,

волной вишнёвой к желанному берегу бегу.

***

Вот так идти бы, идти, пока не закончится осень...

***

Я говорила им, что вижу голоса,

разглядываю их сквозь веки,

что они являются к ночи: многоликие, вьющиеся.

Говорила, что некоторые прорастают в меня лилиями,

пропечатываются штрихкодами:

линиями — чёрными, рваными,

и они отвечали: да, так и должно быть,

а как же иначе?

Сегодня пришёл ты, молчаливый.

Ты говоришь: я освобожу тебя!

Ты больше не увидишь ни одного из этих,

ни одного.

***

Есть люди,

рядом с которыми

тебя вроде бы

даже и нет.

***

Незавершенность пейзажа,

кисти расслаблены,

кисти рисуют нечто славное.

Один на один с небом,

не Бог, никогда им не был,

но в небе высоком

глубоко одинока,

чья душа парит?

***

Время меня меняет, меня нет...

«Поцелуй» Родена

То, отчего оседает небо; то, отчего высыхают реки;

то, отчего непреклонное время становится ветхим,

не коснётся наших запястий — мы совпали в слепом поцелуе.

В камне выточено счастье, аллилуйя!

***

Если ты солнце —

никто не помешает

тебе взойти.

***

Всё то же солнце в долине Солсбери,

всё то же небо.

Космос

Всё ещё нов, где-то в прото-реальности

именно сейчас по улицам космическим

шествуют женщины с кувшинами на головах —

в складках порфир сияют иные вселенные.

***

Ради этой ромашки и росы на траве

ты взорвёшься однажды.

***

О сиятельнейшее из времён!

Расцвела, распустилась дивная сидарэдзакура.

Только это и важно, только это одно и имеет значение.

Думай обо мне! Нежность твоя — море,

волной вишнёвой к желанному берегу бегу.

***

Маленькая родительская вселенная,

солнце — огненный одуванчик.

Однажды облысеет, станет старым,

однажды умрёт совсем.

Со всем, что рядом...

В мире замкнутых систем

нет места бесконечности.

***

Обилие ветра — выдох без вдоха,

несуществующие люди...

Когда это будет?

Лилейный звон

Воздушный купол пауком меридианов

огрузло стал на обожжённый горизонт —

в прорехах облачных художник самозванец

картины странные в смятении поджёт.

Картины неба, где мистические тени

блуждают в поиске затерянных начал;

где сон художника хтонические сцены

с небесной явью ненароком повенчал.

Не отыскать вовеки нам дороги торной

между мирами и картинами миров,

что было выплавлено в высшем мире, горнем,

зачем вверять дыханью суетных костров?

Архитектурные изыски небосвода —

овеществление органного ведства,

непостижима первозданная природа

созвучий, вплавленных в громады вещества.

Звук нарастает, невесом, лилейным звоном —

колокола мятежным заревом грозят.

Что было выкрадено в высшем мире, горнем,

не возвращается без горечи назад.

***

Время вязко, вынырну ли?

Стекловидная магма в пропасть стекает.

***

Не свести к одному Богу моих сомнений.

Небо

1.

Мы станем похожими, одинаковыми, движение в унисон...

Рабочие, созданные методом холодной штамповки,

ежедневно отправляются к станкам.

Благо, они уверовали в одного бога,

того, который смог рассортировать их по категориям,

осуществить справедливое распределение счастья,

главное — усердно молиться ему. Всегда! Везде.

2.

«Радость! радость!» — трепещет флаг на флагштоке.

«Рядом! рядом!» — вторит жесть водостока.

Соколом, высоко радость востока —

в каждом вздохе строка, в каждом взгляде река,

как легка твоя рука. Радость!

Сквозь ледяные струи пульсируют струны,

соткано небо струями струн, струнами струй.

3.

Небо — это море во взвешенном состоянии,

запрокинь голову и пей разреженную синь.

Чувствуешь, всё шире-шире простор внутри,

теперь без крыльев не обойтись. Лети!

4.

Выбрось из головы вы.

И мы выбрось.

Помнишь, когда мы были рыбами,

когда вода была нам воздухом,

была нам пустотой —

мы были птицами.

5.

Медленный полдень, жара расплавляет округность,

в центре вселенной плыву, погружённая в небо,

ветер песок золотистой вуалью завьюжит

и разольёт по артериям — пылко и нежно.

Рыбой, забытой в песке, проплываю сквозь рифы

неба, что горней громадой над нами навеки.

Если смотреть на людей сквозь прикрытые веки

можно увидеть, что люди такие же рыбы.

Люди такие же птицы, такие же рыбы,

дерзко скользящие между кораллами рифов.

Там, в голубой высоте, в океане воздушном

солнечным кругом сияют бессмертные души.

***

Сурово и просто,

горизонтальную линию ливни вымыли,

тишина. Слово вымолви, и она...

***

Быть большим как это небо, это море, пески и ветер.

Ветер обязательно!

И чтобы девочка в розовом облаке улыбнулась тебе...

Всё остальное несущественно.

***

Одиноко, в церкви Христовой

быстро брезгливо молилась

тайная комсомолка, не ставшая космонавткой.

А в телевизоре Навка богородицей хлыстовой

быстро-быстро кружилась.